

Кружкова Ольга Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: galiati@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна,

кандидат психологических наук, доцент, начальник отдела развития научных исследований, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: lorisha@mail.ru

Девятковская Ирина Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, аналитик лаборатории перспективных социосредовых исследований, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: rosirin@yandex.ru

ЦЕННОСТНЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОСОЦИАЛЬНЫХ И АСОЦИАЛЬНЫХ МАРГИНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь; политическая активность; маргинальные политические практики; интернет-поведение; интернет-технологии; ценностные ориентации; ценностный портрет.

АННОТАЦИЯ. Политическая активность молодежи в настоящее время характеризуется не только ростом, но и расширением инструментов политического взаимодействия за счет ее перераспределения из исключительно реального пространства в виртуальное. Политические практики, используемые в интернет-среде, как правило, не институционализированы и определяются как маргинальные. В статье проанализированы основные маргинальные политические практики молодежи, описаны их содержание и инструментальный вектор реализации. На основании эмпирического исследования ценностных оснований сформирован ценностный портрет представителей современной российской молодежи, использующих отдельные маргинальные политические практики с учетом их просоциального и асоциального инструментального вектора реализации. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса 420 респондентов от 18 до 30 лет с помощью авторской анкеты, заполняемой в онлайн-режиме в Google-формах. Анализ результатов исследования показал, что для ценностного портрета молодежи характерен сдвиг от традиционных к секулярно-рациональным ценностям. Одобрение маргинальной политической практики не всегда означает ее перенос респондентом на собственный опыт и использование для реализации политической активности. Молодые люди, включающие в свою цифровую активность только просоциальные политические практики, отличаются выраженной самостоятельностью и стремлением к свободе в определении своего поведения, доминированием и патернализмом. Напротив, выбор только асоциальных политических практик характерен для тех, кто признает приоритет интересов социума на личностью и склонен отрицать значимость естественных природных законов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кружкова, О. В. Ценностный портрет молодежи в контексте использования просоциальных и асоциальных маргинальных политических практик / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, И. В. Девятковская. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 2. – С. 150-160. – DOI: 10.26170/2079-8717_2021_02_18.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ, проект № 20-011-31736.

Krzhkova Olga Vladimirovna,

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Laboratory for Advanced Social and Environmental Research, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Vorobyeva Irina Vladimirovna,

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Research Development Department, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Devyatovskaya Irina Vladimirovna,

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Analyst of Laboratory for Advanced Social and Environmental Research, Associate Professor of Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Studies, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

VALUE PORTRAIT OF YOUTH IN THE CONTEXT OF USING PROSOCIAL AND ASOCIAL MARGINAL POLITICAL PRACTICES

KEYWORDS: the youth; political activity; marginal political practices; internet behavior; Internet technologies; value orientations; value portrait.

ABSTRACT. The political activity of young people is currently characterized not only by growth, but also by the expansion of instruments of political interaction due to its redistribution from an exclusively real space to a virtual one. Political practices used in the Internet environment are usually not institutionalized and defined as marginal. The article analyzes the main marginal political practices of young people, describes

their content and the instrumental vector of implementation. Based on an empirical study of the value foundations, a value portrait of representatives of modern Russian youth was formed, using certain marginal political practices, taking into account their prosocial and asocial instrumental vector of implementation. The empirical base of the study was formed by the results of a survey of 420 respondents from 18 to 30 years old using the author's questionnaire filled in online in Google forms. The analysis of the research results showed that the value portrait of young people is characterized by a shift from traditional to secular-rational values. Approval of marginal political practice does not always mean its transfer by the respondent to his own experience and use for the implementation of political activity. Young people who include only pro-social political practices in their digital activities are distinguished by a pronounced independence and a desire for freedom in determining their behavior, domination and paternalism. On the contrary, the choice of only asocial political practices is characteristic of those who recognize the priority of the interests of society on the individual and are inclined to deny the importance of natural laws.

FOR CITATION: Kruzhkova, O. V., Vorobyeva, I. V., Devyatovskaya, I. V. (2021). Value Portrait of Youth in the Context of Using Prosocial and Asocial Marginal Political Practices. In *Pedagogical Education in Russia*. No. 2, pp. 150-160. DOI: 10.26170/2079-8717_2021_02_18.

ACKNOWLEDGMENTS: the study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research and ANO EISI, project No. 20-011-31736.

Введение. В последние годы молодежная политическая активность не только показывает уверенный рост, но и трансформируется, приобретая новые формы и практики выражения политической позиции представителями новых поколений [17]. Одним из основных трендов изменений является перераспределение политической активности молодежи из исключительно реального пространства в пространство Интернета [27]. Освоение новой коммуникационной среды предоставило возможности применения иных практик политического высказывания, формирования и проявления отношения к политическим событиям, деятелям, инициативам, чем привычные и устоявшиеся формы, применяемые в XX в.

Цифровизация способов политического контактирования и политического участия [5] приводит к активному вовлечению в политическую жизнь все более молодых субъектов гражданского общества [1], которые имеют и силы, и временные ресурсы [5] для выражения и отстаивания значимых для них позиций и убеждений. При этом, исходя из возрастных особенностей старшего подросткового и юношеского возраста поколения «цифровых аборигенов», можно говорить о том, что использование цифровых коммуникаций приводит к существенным изменениям в используемых ими политических инструментах [24], экспериментировании с гражданскими практиками [25], в том числе применении маргинальных политических практик, под которыми понимаются неинституциональные формы взаимодействия в цифровом пространстве, результатом которого являются воспроизводство и трансфигурация молодежью политических отношений, обретение гражданской идентичности и реализация гражданской субъектности [23]. Маргинальные политические практики можно понимать как нетипичные для ранее существующего

опыта политической жизни, но активно используемые на сегодняшний день молодыми людьми неинституализированные формы выражения политической активности. Несмотря на негативную коннотацию, политическая маргинальность не всегда связана с проявлениями девиантного поведения и социальной маргинальностью, а может трактоваться в нормативно нейтральном смысле как положение политического агента или групп агентов, которые находятся вне политической системы [3; 4] и при воздействии на нее используют разнообразные как традиционные, так и цифровые политические инструменты [26].

Распространение маргинальных политических практик усиливается вследствие активного экспериментирования представителей молодежи с формами гражданской активности в цифровой среде, часть из которых не всегда в содержательном и инструментальном плане является просоциальной. Так, ряд авторов указывают, что в условиях цифрового пространства молодые люди относительно толерантно относятся к распространению негативного политического контента, в том числе нарушающего закон [2], а проявления «гражданского разрушительного активизма», направленного на решение отдельных политических и социальных проблем, сопровождаются нарушением прав других людей, социальных норм, ценностей, оказывают разрушительное воздействие на личность и общество в целом [11]. К подобным асоциальным по их инструментальному вектору реализации маргинальным политическим практикам относят практики с элементами психологического давления и насилия (кибербуллинг, троллинг и холивар политических оппонентов), практики фальсификации информации (табл. 1). Обесценивание через обращение к смешному, применяемое в практике мемов, обладающих способностью к распространению вирусным путем политиче-

ского контента и имплицитно влияющих на политические позиции и ценности молодежи [6], также в инструментальном плане при наличии негативного контента может быть отнесено к асоциальным формам политических практик.

Тем не менее политическая активность

молодежи в сети Интернет, выраженная через маргинальные политические практики, безусловно, может иметь просоциальный вектор реализации, когда через интернет-пространство молодежь включается в процесс формирования и принятия политических решений (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика маргинальных политических практик молодежи

Инструментальный вектор реализации	Тип маргинальной политической практики	Название	Содержание практики
Просоциальная	Эмпатийная	Практика создания и подписания петиций на ресурсах Change.org, РОИ и др.	Подготовка, размещение и поддержка петиций, используемых для привлечения большего количества участников акции
Просоциальная	Эмпатийная	Практика использования хештегов для идентификации себя и своей политической позиции	Использование ключевых слов для идентификации себя и своей позиции в политическом конфликте
Просоциальная	Эмпатийная	Практика использования стикеров в мессенджерах для выражения своей политической позиции	Использование стикеров в мессенджерах для выражения своей позиции. Например, пользователям телеграм-каналов доступны наборы стикеров, отражающих политическую позицию
Просоциальная	Эмпатийная	Практика участия в интернет-флешмобах в защиту, поддержку чего-либо или из-за протеста против чего-либо	Заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия (сценарий) и затем расходится, что выполняет мобилизационную функцию (организация прогулок, собраний и пр. для обозначения серьезности своих намерений и их визуализация властным институтам)
Асоциальная	Негативистская	Практика использования троллинга, кибербуллинга или холивара по отношению к какой-либо политической позиции или политическому оппоненту	Кибербуллинг, троллинг, холивар реализуются через распространяющиеся по сети травлю, угрозы, в т. ч. и физической расправой
Просоциальная / асоциальная	Смыслопреобразующая	Практика создания и использования мемов на политические темы	Создание и репликации политических мемов как реакция на происходящее и репрезентация своей субъективной позиции
Просоциальная	Активная, открытая	Практика использования стримов, постов и репостов на новостных онлайн-платформах и в социальных сетях об актуальных политических событиях	Стримы, посты и репосты на новостных онлайн-платформах и в социальных сетях, т. е. ведение онлайн-трансляций с мест, где разворачиваются основные события, или хронотоп событий в режиме реального времени, распространение фотографий и позиций лидеров общественного мнения в своих аккаунтах
Асоциальная	Смыслопреобразующая	Практика намеренного распространения дезинформации о политических событиях	Практика создания и распространения фейк-ньюс, используемая либо для привлечения большего внимания к конфликту, либо для его эскалации
Просоциальная	Эмпатийная	Практика участия в цифровых дистанционных митингах, например, Яндекс-митингах	Цифровые дистанционные митинги, в том числе Яндекс-митинги при использовании функции «Разговорчики» в мобильной версии «Яндекс.Карт» и «Яндекс.Навигатора», позволяющей поставить точку на карте и написать к ней протестный комментарий

Примечание: в построении таблицы использовались подходы к типологии и описание маргинальных политических практик с опорой на более ранние работы научного коллектива авторов [9; 23].

Выбор конкретной практики для выражения своей гражданской позиции с помощью инструментов политической активности детерминируется целым рядом факторов, такими как мотивы, ценности, жизненный опыт и т. д. Во многом выбор практики опосредован именно ценностями личности, представляющими собой реальный или воображаемый объект, имеющий (наделенный) жизненно важное значение для субъекта. Именно поэтому через призму ценностей, возможно, осуществляется прогнозирование социальной активности людей. При этом под проявлениями социальной активности личности понимается «способность субъекта осознавать смыслы решения общественных задач на основе соотнесения их с собственной системой ценностей, которые на уровне личности служат руководящими принципами его жизни» [1].

Д. В. Каширский отмечает, что «ценности имманентны деятельности и поведению, они органично вплетены в ее структуру (планирование – реализация – оценка результата) и требуют своей жизненной реализации» [8, с. 214]. При этом ценностные ориентации, как представления субъекта о собственных ценностях, характеризуются высокой осознанностью и выполняют функцию перспективных стратегических жизненных целей и мотивов жизнедеятельности [10]. Невозможность реализации личностных ценностей приводит к возникновению внутренних противоречий, конфликтов и выбору как просоциального, так и асоциального варианта поведения [8], в том числе при реализации политической активности личности. Зачастую данный процесс вызывается и сопровождается поиском личностной идентичности молодого человека и в сочетании реконструктивных и деконструктивных стратегий обеспечивает не только самореализацию, но и интеграцию в социальное и политическое пространство [7].

Рассматривая ценность как убеждение, М. Рокич подразделяет ценности на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства). Так, терминальная ценность понимается как убеждение в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования и с позиции личности, и с позиции общества стоит того, чтобы к ней стремиться. Например, общественное признание, свобода, любовь, здоровье т. д. Инструментальная ценность выступает как убеждение в том, что какой-то образ действий с позиции личности и общества является предпочтительным в любых ситуациях. Такими ценностями могут быть ответственность, смелость в отстаивании своего мнения, терпимость, воспитанность и т. д. [14].

Теоретический анализ исследований

ценностей современной молодежи показал, что изучаются ценностно-смысловые характеристики разных форм социальной активности молодежи [1], политические ценности российской молодежи [15; 16; 20], ценностные ориентации российской молодежи в контексте реализации государственной молодежной политики [19], ценности как детерминанты социально-политической активности [18].

Рассматривая политическую активность личности, Д. В. Руденкин анализирует ценности современной молодежи. Согласно данным представленного исследования, независимо от политической позиции ключевыми ценностями молодых людей выступают чувство долга, гражданской ответственности, или же стремление к достижению социальной справедливости. При этом характерно, что система мотивов политической активности апеллирует именно к ценностям, убеждениям молодых людей, а не к их прагматическим установкам [15].

По результатам исследования Е. В. Бродовской и др., выбор молодежью пространства Интернет для реализации политической активности опосредуется ценностью «абсолютной свободы в сетевой среде», когда даже несмотря на угрозу распространения незаконного контента более 60% представителей молодежи убеждены в недопустимости контроля государства над информационным содержанием интернет-среды [2]. При этом политическая онлайн-активность, являясь одним из инструментов политической мобилизации офлайн-участия, используется представителями молодежи не только для защиты своих интересов, но и для выражения несогласия с политическими процессами и явлениями [13]. Как отмечают Е. В. Михайлова и А. П. Скогорев, данное несогласие, в том числе в протестной форме, ориентировано, зачастую, не столько на причины возникшей социальной или политической проблемы, сколько на нарушение их прав и интересов вследствие этой проблемы [12], и может порождать эгоистичные, асоциальные формы политической активности.

В теоретическом исследовании О. А. Блиновой и Ю. А. Горбуновой результируется, что ценностные ориентации российской молодежи, лежащие в основе применения маргинальных политических практик, отражают глобальный сдвиг от традиционных ценностей к секулярно-рациональным ценностям, от ценностей выживания, связанных с этноцентрическим мировоззрением, – к ценностям самовыражения, свободы, равенства возможностей [22]. В то же время открытым остается вопрос о ценностных основаниях и ценностном портрете представителей современной рос-

сийской молодежи, использующих отдельные маргинальные политические практики с учетом их просоциального и асоциального инструментального вектора реализации.

Методы исследования. Для изучения ценностного портрета молодежи в контексте использования просоциальных и асоциальных маргинальных политических практик было организовано и проведено исследование в формате констатирующего эксперимента. Сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Каковы ценностные ориентации современной молодежи, отношение к маргинальным политическим практикам и опыт их личного использования?

2. Существует ли специфика в ценностном портрете молодежи, использующей просоциальные и асоциальные маргинальные политические практики?

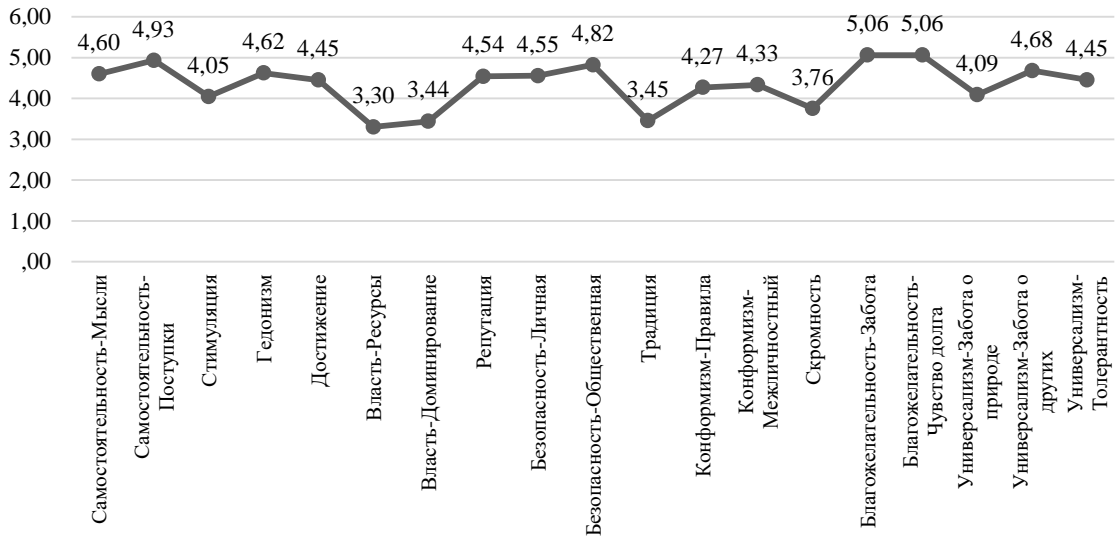
Авторским коллективом была разработана анкета, в содержание которой вошли вопросы, направленные на выявление общей политической активности молодежи, степени одобрения и опыта применения характерных маргинальных политических практик (табл. 1), а также ценностного основания их выбора. Перечень ценностей был сформирован на основе исследований О. А. Блиновой, Ю. А. Горбуновой и И. В. Девятовской [23]. Кроме того, исследование ценностного портрета респондентов осуществлялось с использованием ценностного опросника, построенного на базе уточненной для России теории ценностей Ш. Шварца [21]. Указанная психодиагностическая методика диагностирует 19 ценностей, среди которых: самостоятельность: мысли, самостоятельность: поступки, стимуляция, гедонизм, достижения, власть: доминирование, власть: ресурсы, репутация, безопасность: личная, безопасность: общественная, традиции, конформизм: правила, конформизм: межличностных, скромность, универсализм: забота о других, универсализм: забота о природе, универсализм: толерантность, благожелательность: забота, благожелательность: чувство долга.

Представленное исследование было организовано с использованием Google-форм в онлайн-режиме, что соответствует современным тенденциям организации социально-психологических исследований в условиях пандемии COVID-19 и вызванных ею ограничений.

В опросе приняли участие 552 респондента, однако после анализа маркеров «недобросовестных ответов» была осуществлена процедура чистки данных, и в анализируемый материал вошли ответы 420 респондентов. Возраст участников исследования от 18 до 30 лет, средний возраст – 21,69 ($\sigma=3,56$). Среди респондентов 33% – мужского пола, 67% – женского пола. Большая часть респондентов (98,3%) на момент анкетирования получали образование, при этом 12,4% участников исследования имеют среднее образование, 15,5% – среднее специальное, 49,8% – незаконченное высшее, 21,7% – высшее, 1,7% – послевузовское. Занимаются профессиональной деятельностью 42,4% респондентов. Принявшие участие в исследовании респонденты проживают в следующих регионах: Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Свердловская область, Астраханская область, Алтайский край, Башкортостан, Брянская область, Приморский край, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Ивановская область, Иркутская область, Республика Кабардино-Балкария, Калининградская область, Республика Карелия, Кемеровская область, Костромская область, Краснодарский край, Красноярский край, Магаданская область, Республика Крым, Мурманская область, Нижегородская область, Омская область, Оренбургская область, Пермский край, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Республика Саха, Смоленская область, Ставропольский край, Тверская область, Тюменская область, Удмуртия, Хабаровский край, Хакасия, ХМАО, Челябинская область, Чукотский автономный округ, ЯНАО, Ярославская область.

Полученные результаты были обработаны с помощью методов математико-статистического анализа данных, для подсчетов использовалась открытая статистическая программа JASP (дескриптивная статистика, двухэтапный кластерный и сравнительный анализы).

Результаты исследования и их обсуждение. Для ответа на первый исследовательский вопрос были проанализированы результаты дескриптивной статистики. Профиль средних значений ценностных ориентаций молодежи представлен на рисунке 1.

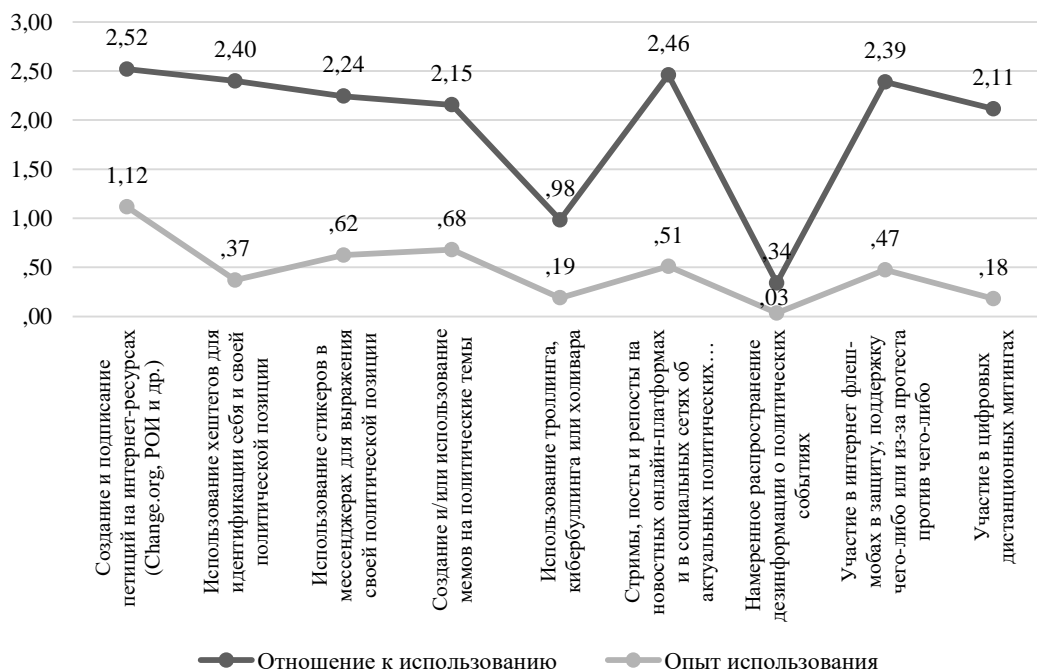

Рис. 1. Средние значения профиля ценностей молодежи по методике Ш. Шварца

Наиболее выраженными из диагностированных ценностных ориентаций являются благожелательность: забота, благожелательность: чувство долга, самостоятельность: поступки. Можно предположить, что ключевыми ориентирами для молодых людей являются преданность группе и благополучие ее членов, стремление быть надежным и заслуживающим доверие членом группы, свобода в определении своего поведения и действий. Наименее представлены такие ценности, как: власть: ресурсы, власть: доминирование, традиция. Девушки и юноши в меньшей степени стремятся влиять на окружающих людей, использо-

вать контроль материальных и социальных ресурсов, не расположены поддерживать и сохранять культурные, семейные и религиозные традиции. Выявленные особенности ценностного профиля молодежи, с одной стороны, обозначают ее просоциальные стремления и преобладание реакции группирования, а с другой – обнаруживается тенденция к противопоставлению и стремление к независимости по отношению к другим социальным сообществам.

Отношение к маргинальным политическим практикам, применяемым в цифровой среде, и оценка собственного опыта их использования представлена на рисунке 2.

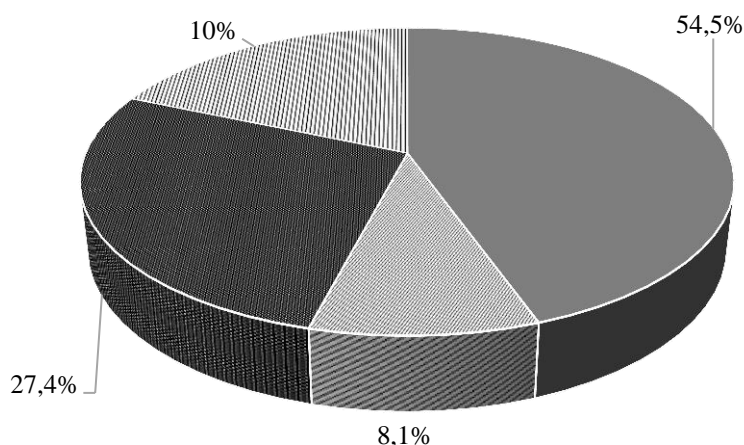

Рис. 2. Средние значения показателей отношения молодежи к маргинальным политическим практикам и опыта их личного использования

Полученные профили позволяют сделать вывод о том, что одобрение маргинальных политических практик более характерно, чем их реальное использование. Вместе с тем, пиковые показатели графиков практически идентичны: так из предложенных вариантов наиболее выбираемая активность связана с созданием и подписанием петиций на интернет-ресурсах, девушки и юноши не только позитивно относятся к подобной форме выражения политических взглядов, но и склонны использовать ее в своем поведении. Одобрение у молодежи получили такие практики, как ведение стримов, написание постов и осуществление репостов, освещающих актуальные политические события, а также использование хештегов для идентификации себя и своей политической позиции. В собственный поведенческий репертуар респонденты включают создание и/или использование мемов на политические темы и использование стикеров в мессенджерах для выражения личной позиции. Одинаково менее представлена практика дезинформации как в оценке отношения к ней, так и в контексте ее выбора в качестве модели собственного поведения. При разделении всех практик на просоциальные и асоциальные с точки зрения их инструментальной составляющей необходимо заметить, что послед-

ние меньше всего поддерживаются молодежью за исключением практики мемов. Несмотря на механизм обесценивания, лежащий в основе создания мемов, подобная форма выражения собственных политических взглядов получила распространение именно в молодежной среде, поскольку она ультрасовременна, провокационна по своей сути и демонстрируется в формате юмористического образа.

Для ответа на второй исследовательский вопрос были рассчитаны коэффициенты использования просоциальных и асоциальных маргинальных политических практик. С помощью кластерного анализа (силуэтная мера связности и разделения кластеров хорошая) все респонденты были разделены на две группы в каждом типе практик – использующие и не использующие данную форму политической активности. При соотношении кластеров в обоих типах (просоциальные и асоциальные маргинальные политические практики) были выделены четыре группы респондентов: 1) не использующие ни один из типов практик; 2) использующие только просоциальные практики; 3) использующие только асоциальные практики; 4) использующие оба типа практик. Процентное распределение молодежи по группам представлено на рисунке 3.

Рис. 3. Процентное распределение респондентов по группам использования / неиспользования просоциальных и асоциальных маргинальных политических практик

Так, почти половина юношей и девушек не склонны включать в свой цифровой поведенческий репертуар маргинальные политические практики. При этом они могут одобрять ту или иную форму политической активности в сети Интернет, но не использовать ее лично. 54,5% опрошенных применяют их, причем большая часть опрошенных респондентов (27,4% от всей выборки)

склонна выбирать те формы выражения политической активности, которые являются инструментально асоциальными, т. е. основываются на механизмах агрессии, манипуляции, обесценивания, дезинформации и пр. Пятая часть участников исследования используют оба типа политических практик и только около 10% молодых людей предпочитают просоциальную политическую

активность в цифровом пространстве.

Выявление специфики портрета ценностей молодежи, относящейся к данным группам, осуществлялось посредством срав-

нительного анализа, использовался непараметрический критерий для нескольких независимых выборок (Крускалла-Уоллиса). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа по критерию Крускалла-Уоллиса

Ценности	Критерий Крускалла-Уоллиса	Уровень значимости	Группа респондентов			
			1 группа (не используют ни один из типов практик)	2 группа (используют только просоциальные практики)	3 группа (используют только асоциальные практики)	4 группа (используют оба типа практик)
Самостоятельность – Мысли	21,95	0,000	192,62	253,51	194,31	255,19
Самостоятельность – Поступки	21,58	0,000	191,41	269,11	198,18	244,37
Стимуляция	15,83	0,001	192,82	231,53	202,45	253,96
Власть – Ресурсы	10,56	0,014	189,89	211,89	228,98	231,96
Власть – Доминирование	8,36	0,039	198,60	237,40	230,87	195,21
Традиция	10,65	0,014	227,07	214,21	206,89	174,19
Конформизм – Правила	12,88	0,005	227,07	209,85	212,12	168,71
Скромность	15,21	0,002	220,26	214,41	225,40	163,11
Универсализм – Забота о природе	23,27	0,000	196,54	243,91	187,40	260,88
Универсализм – Забота о других	11,90	0,008	199,87	268,25	200,82	220,63

Примечание: в таблицу включены только ценности, по которым были обнаружены статистически достоверные различия;

жирным курсивом выделены крайние значения средних рангов, имеющих статистически достоверные различия.

Обнаруженные различия позволили сделать вывод о том, что респонденты, не использующие цифровые маргинальные политические практики, отличаются стремлением к соблюдению норм, правил и формальных обязательств, склонностью к поддержанию и сохранению культурных, семейных и религиозных традиций. Вероятно, они в меньшей степени ориентированы на развитие своих способностей, менее самостоятельны в принятии решений и определении собственных действий. Для этой группы молодежи более свойственен консерватизм и нежелание принимать перемены, они не стремятся управлять людьми, контролируя материальные и социальные ресурсы, вместе с тем менее подвержены стремлению к равенству, справедливости и защите всех людей.

Молодежь, включающая в свою цифровую активность только просоциальные политические практики, отличается выраженной самостоятельностью и стремлением к свободе в определении своего поведения, склонна выбирать манипулятивные стратегии во взаимодействии и ориентирована на управление другими людьми. Вместе с тем, девушки и юноши выбирают ценности всеобщего равенства и справедливости, склонны выступить в защиту других людей.

Респонденты, отличающиеся выбором только асоциальных политических практик, признают незначительность отдельного человека в сравнении с социумом, склонны отрицать значимость естественных природных законов.

Молодые люди, включающие в свой поведенческий репертуар оба типа маргинальных политических практик, ориентированы на свободу мыслей и поступков, готовы к изменениям и стремятся к реализации себя и развитию личности. В управлении другими людьми предпочитают не прямой контроль, а влияние посредством материальных и социальных ресурсов. Не склонны придерживаться норм, правил и традиций, признают возможности отдельной личности и роль природных процессов.

Выводы. Исходя из результатов проведенного эмпирического исследования ценностных оснований и ценностного портрета представителей современной российской молодежи, использующих отдельные маргинальные политические практики, можно обозначить ряд тенденций.

1. Наиболее часто представители молодежи демонстрируют приверженность тем ценностям, которые характеризуют преданность группе и благополучие ее членов, стремление быть надежным и заслужива-

ющим доверие членом группы, свобода в определении своего поведения и действий. При этом наименее представлены ценности, связанные с влиянием на окружающих людей, использованием контроля материальных и социальных ресурсов, поддержкой и сохранением культурных, семейных и религиозных традиций. В целом, это подтверждает наличие сдвига от традиционных ценностей к секулярно-рациональным ценностям в условиях активного проявления реакции группирования.

2. Одобрение представителями молодежи гипотетической возможности использования маргинальных политических практик более характерно, чем реальное использование указанных практик в собственном опыте респондентов. Наиболее одобряемые маргинальные политические практики связаны с созданием и подписанием петиций на интернет-ресурсах, ведением стримов, написанием постов и осуществлением репостов, освещающих актуальные политические события, а также использованием хештегов для идентификации себя и своей политической позиции, обладающих просоциальным инструментальным вектором реализации. Среди практик, характеризующихся асоциальным инструментальным вектором реали-

зации, наиболее распространены мемы.

3. Представители молодежи, не использующие цифровые маргинальные политические практики, отличаются стремлением к соблюдению норм, правил и формальных обязательств, склонностью к подержанию и сохранению культурных, семейных и религиозных традиций. Юноши и девушки, включающие в свою цифровую активность только просоциальные политические практики, отличаются выраженной самостоятельностью и стремлением к свободе в определении своего поведения, доминированием и патернализмом. Молодые люди, характеризующиеся выбором только асоциальных политических практик, признают приоритет интересов социума над личностью и склонны отрицать значимость естественных природных законов. Молодежь, включающая в свой поведенческий репертуар оба типа маргинальных политических практик, ориентирована на свободу мыслей и поступков, готова к изменениям и стремится к реализации себя, развитию собственной личности, ориентирована на «мягкую силу» и косвенное влияние на окружающих при некотором пренебрежении к формальным нормам и правилам традиционного уклада жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арндачук, И. В. Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодежи / И. В. Арндачук // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 287-307.
2. Бродовская, Е. В. Готовность современной российской молодежи к реализации гражданской и политической активности в цифровой среде / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма, А. А. Азаров // Власть. – 2019. – № 1. – С. 91-95.
3. Вафин, А. М. Политическая маргинальность: психология и идеология / А. М. Вафин // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6, № 4 (21). – С. 307-310.
4. Вафин, А. М. Политическая маргинальность: теоретический и практический аспекты / А. М. Вафин // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 137-143.
5. Деревянченко, А. А. Политическая активность молодежи в цифровом обществе / А. А. Деревянченко, Д. В. Калинин // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – № 2 (16). – С. 155-173.
6. Ежов, Д. А. Политическая семантика интернет-мема / Д. А. Ежов // Власть. – 2019. – № 3. – С. 68-73.
7. Злоказов, К. В. Деструктивная стратегия формирования социальной идентичности / К. В. Злоказов // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете : сборник материалов юбилейной конференции / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. – М. : Когито-Центр, 2015. – С. 347-349.
8. Каширский, Д. В. Психология личностных ценностей : монография / Д. В. Каширский. – Барнаул, 2014. – 332 с.
9. Кружкова, О. В. Политическая активность современной российской молодежи и маргинальные политические практики / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, М. С. Кривошекова // Педагогическое образование в России. – 2019. – № 9. – С. 22-31.
10. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности : монография / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
11. Логинова, Л. В. Деструктивная гражданская активность молодежи: теоретико-методологическая концептуализация / Л. В. Логинова, В. В. Щепланова // Logos et Praxis. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 98-108.
12. Михайлова, Е. В. Протесты как форма гражданской активности в современной России / Е. В. Михайлова, А. П. Скогорев // Власть. – 2017. – № 1. – С. 54-59.
13. Попова, О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? / О. В. Попова, О. В. Лагутин // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21, № 4. – С. 599-619.
14. Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич // Свободная пресса. – 1973. – № 5. – С. 20-28.
15. Руденкин, Д. В. Полюсы политической активности российской молодежи: сравнение активистов провластных и оппозиционных движений / Д. В. Руденкин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 203-215.

16. Селезнева, А. В. Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения : монография / А. В. Селезнева. – М. : Аргатак-Медиа, 2014. – 276 с.
17. Симонова, И. А. От политических стратегий молодежи к стратегии политического образования: опыт одного исследования / И. А. Симонова // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 1. – С. 6-12.
18. Усова, Н. В. Детерминанты социально-политической активности современной молодежи / Н. В. Усова // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16, № 2. – С. 164-188.
19. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования / под общ. ред. С. В. Чуева. – М. : Издательский дом ГУУ, 2017. – 131 с.
20. Чуев, С. В. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования / С. В. Чуев, А. Н. Тимохович, С. А. Гришаева // Власть. – 2017. – № 11. – С. 54-60.
21. Шварц, Ш. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 43-70.
22. Blinova, O. Value foundations of marginal political practices of youth / O. Blinova, Yu. Gorbunova // State. Politics. Society: SHS Web of Conferences. – 2021. – Vol. 94, № 03017.
23. Blinova, O. Marginal political practices of youth as a communication trend in the post-politics era / O. Blinova, Yu. Gorbunova, I. Deviatovskaia // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation ; Ural Federal University, Ural State Pedagogical University. – Ekaterinburg, 2020. – P. 379-392.
24. Kahne, J. Youth, New Media, and the Rise of Participatory Politics / J. Kahne. E. Middaugh, D. Allen. – URL: https://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/YPPWorkinPapers_Paper01_8.24.17.pdf (mode of access: 01.03.2021). – Text : electronic.
25. Soep, E. Participatory Politics: Next-Generation Tactics to Remake Public Spheres / E. Soep. – URL: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26056/1004029.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (mode of access: 01.03.2021). – Text : electronic.
26. Von Bülow, M. Varieties of digital activist practices: students and mobilization in Chile / M. von Bülow, L. Vilaça, P. H. Abelin // Information Communication and Society. – 2019. – Vol. 22, iss. 12. – P. 1770-1788.
27. Yannick Haan, M. A. Jugendliche, Politik und das Internet – Wie die Generation YouTube online partizipieren will / M. A. Yannick Haan. – Wiesbaden : Springer Verlag, 2016. – 498 p.

REFERENCES

1. Arendachuk, I. V. (2018). Dinamika tsennostno-smyslovykh kharakteristik sotsial'noi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Dynamics of Value and Semantic Characteristics of Social Activity of Modern Youth]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. Vol. 15. No. 3, pp. 287-307.
2. Brodovskaya, E. V., Dombrovskaya, A. Yu., Pyrma, R. V., Azarov, A. A. (2019). Gotovnost' sovremennoi rossiiskoi molodezhi k realizatsii grazhdanskoi i politicheskoi aktivnosti v tsifrovoi srede [Readiness of Modern Russian Youth for the Implementation of Civic and Political Activity in the Digital Environment]. In *Vlast'*. No. 1, pp. 91-95.
3. Vafin, A. M. (2017). Politicheskaya marginal'nost': psikhologiya i ideologiya [Political Marginality: Psychology and Ideology]. In *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. Vol. 6. No. 4 (21), pp. 307-310.
4. Vafin, A. M. (2011). Politicheskaya marginal'nost': teoreticheskii i prakticheskii aspekty [Political Marginality: Theoretical and Practical Aspects]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 137-143.
5. Derevyanchenko, A. A., Kalinin, D. V. (2020). Politicheskaya aktivnost' molodezhi v tsifrovom obshchestve [Political Activity of Youth in a Digital Society]. In *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. No. 2 (16), pp. 155-173.
6. Ezhov, D. A. (2019). Politicheskaya semantika internet-mema [The Political Semantics of the Internet Meme]. In *Vlast'*. No. 3, pp. 68-73.
7. Zlokazov, K. V. (2015). Destruktivnaya strategiya formirovaniya sotsial'noi identichnosti [Destructive Strategy of Social Identity Formation]. In Bogoyavlenskaya, D. B. (Ed.). *Ot istokov k sovremennosti. 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubileinoi konferentsii: v 5 tomakh*. Moscow, Kogito-Tsentr, pp. 347-349.
8. Kashirsky, D. V. (2014). *Psikhologiya lichnostnykh tsennostei* [Psychology of Personal Values]. Barnaul. 332 p.
9. Kruzhkova, O. V., Vorobyeva, I. V., Krivoshchekova, M. S. (2019). Politicheskaya aktivnost' sovremennoi rossiiskoi molodyozhi i marginal'nye politicheskie praktiki [Political Activity of Modern Russian Youth and Marginal Political Practices]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 9, pp. 22-31.
10. Leont'ev, D. A. (2003). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [The Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaningful Reality]. Moscow, Smysl. 487 p.
11. Loginova, L. V., Shcheblanova, V. V. (2019). Destruktivnaya grazhdanskaya aktivnost' molodezhi: teoretiko-metodologicheskaya konceptualizatsiya [Destructive Civic Engagement of Youth: Theoretical and Methodological Conceptualization]. In *Logos et Praxis*. Vol. 18. No. 2, pp. 98-108.
12. Mikhailova, E. V., Skogorev, A. P. (2017). Protesty kak forma grazhdanskoi aktivnosti v sovremennoi Rossii [Protests as a form of Civic Engagement in Modern Russia]. In *Vlast'*. No. 1, pp. 54-59.
13. Popova, O. V., Lagutin, O. V. (2019). Politicheskie nastroyeniya molodezhi: loyal'nost' ili protest? [Political Sentiments of Youth: Loyalty or Protest?] *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. Vol. 21. No. 4, pp. 599-619.
14. Rokich, M. (1973). Priroda chelovecheskikh tsennostei [The Nature of Human Values]. In *Svobodnaya pressa*. No. 5, pp. 20-28.
15. Rudenkin, D. V. (2020). Polyusy politicheskoi aktivnosti rossiiskoi molodezhi: sravnenie aktivistov provlastnykh i oppozitsionnykh dvizhenii [Poles of Political Activity of Russian Youth: Comparison of Activists of Pro-government and Opposition Movements]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No. 55, pp. 203-215.

16. Selezneva, A. V. (2014). *Molodezh' v sovremennoi Rossii: politicheskie tsennosti i predpochteniya* [Youth in Modern Russia: Political Values and Preferences]. Moscow, Argamak-Media. 276 p.
17. Simonova, I. A. (2020). Ot politicheskikh strategii molodezhi k strategii politicheskogo obrazovaniya: opyt odnogo issledovaniya [From Youth Political Strategies to Political Education Strategy: the Experience of One Study]. In *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. No. 1, pp. 6-12.
18. Usova, N. V. (2019). Determinanty sotsial'no-politicheskoi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Determinants of the Social and political activity of Modern Youth]. In *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 16. No. 2, pp. 164-188.
19. Chuev, S. V. (Ed.). (2017). *Tsennostnye orientatsii rossiiskoi molodezhi i realizatsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki: rezul'taty issledovaniya* [Value Orientations of Russian Youth and the Implementation of State Youth Policy: Research Results]. Moscow, Izdatel'skii dom GUU. 131 p.
20. Chuev, S. V., Timokhovich, A. N., Grishaeva, S. A. (2017). Politicheskie tsennosti rossiiskoi molodezhi: materialy issledovaniya [Political Values of Russian Youth: Research Materials]. In *Vlast'*. No. 11, pp. 54-60.
21. Shvarts, Sh., Butenko, T. P., Sedova, D. S., Lipatova, A. S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [Refined Theory of Basic Individual Values: Application in Russia]. In *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. Vol. 9. No. 1, pp. 43-70.
22. Blinova, O., Gorbunova, Yu. (2021). Value foundations of Marginal Political Practices of Youth. In *State. Politics. Society: SHS Web of Conferences*. Vol. 94. No. 03017.
23. Blinova, O., Gorbunova, Yu., Devyatovskaya, I. (2020). Marginal Political Practices of Youth as a Communication Trend in the Post-politics Era. In *Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity*. Ekaterinburg, pp. 379-392.
24. Kahne, J., Middaugh, E., Allen, D. *Youth, New Media, and the Rise of Participatory Politics*. – URL: https://ypp.dmlcentral.net/sites/default/files/publications/YPPWorkinPapers_Paper01_8.24.17.pdf (mode of access: 01.03.2021).
25. Soep, E. *Participatory Politics: Next-Generation Tactics to Remake Public Spheres*. – URL: <https://library.oapen.org/bitstream/handle/20.500.12657/26056/1004029.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (mode of access: 01.03.2021).
26. Von Bülow, M., Vilaça, L., Abelin, P. H. (2019). Varieties of Digital Activist Practices: Students and Mobilization in Chile. In *Information Communication and Society*. Vol. 22. Issue 12, pp. 1770-1788.
27. Yannick Haan, M. A. (2016). *Jugendliche, Politik und das Internet – Wie die Generation YouTube online partizipieren will*. Wiesbaden, Springer Verlag. 498 p.